Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/YWESYB
УДК 398
ББК 82.3(4Беи) + 82.3(4Укр)

БЕЛОРУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ЗАГОВОРЫ ОТ *ПЕРЕЛОГОВ*: МЕЖЖАНРОВЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ

© 2022 г. Т.А. Агапкина
Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 9 марта 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 27 апреля 2022 г.
Дата публикации: 25 декабря 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-254-275

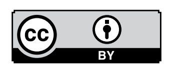
Аннотация: В народной ветеринарии некоторых регионов Восточной Славии известно слово *перелоги* (укр. *перелоги*, бел. *пералогі, перэлогі*), обозначающее болезнь скотины и лошадей. Статья посвящена анализу этого явления в фольклоре и традиционной культуре белорусов и украинцев, которое рассматривается с точки зрения его терминологии, сопутствующих верований, магических практик и многочисленных заговоров, применяемых для лечения животных. Заговоры, которые принято читать против перелогов, основаны на сюжете «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги». В статье исследуются возможные фольклорные истоки этого сюжета, а также обстоятельства появления в нем фигуры черта, что крайне нетипично для восточнославянских лечебных заговоров. Автор приходит к выводу о том, что основную роль в этом сыграли сказки об одураченном черте и особенно ATU/СУС 1030 «Дележ урожая». Кроме того, на сложение сюжета, скорее всего, повлияли такие обстоятельства, как соматический «параллелизм» черта и животного и вторичная мифологизация термина *перелоги*. Эти два обстоятельства поддержали ключевую для этого сюжета фигуру черта, используя элементы фольклорной образности, рифму, культурную семантику ключевого слова и другие факторы.

Ключевые слова: фольклор восточных славян, заговоры, болезни скота, сказки.

Информация об авторе: Татьяна Алексеевна Агапкина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, Ленинский пр., д. 32 а, 119991 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8098-7471

E-mail: agapi-t@yandex.ru

Для цитирования: *Агапкина Т.А.* Белорусские и украинские заговоры от *перелогов*: межжанровые переклички // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 254–275. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-254-275

Studia Litterarum, vol. 7, no. 4, 2022

BELARUSIAN AND UKRAINIAN CHARMS AGAINST *PERELOGI*: INTER-GENRE ROLLCALLS

© 2022. Tatyana A. Agapkina
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: March 09, 2022
Approved after reviewing: April 27, 2022
Date of publication: December 25, 2022

Abstract: The word *perelogi* (Ukrainian *перелоги*, Belarusian *нералогі, перэлогі*) 'livestock and horses disease' is mentioned in the folk veterinary medicine of some regions of Eastern Slavia. The article is devoted to the analysis of this phenomenon in folklore and traditional culture of Belarusians and Ukrainians. It is considered from the point of view of its terminology, accompanying beliefs, magical practices and numerous charms used to treat animals. The charms that are commonly read against *perelogi* are based on the plot "Three (two) characters share what they find among themselves; the devil gets the perelogi." The article explores the possible folklore origins of this plot, as well as the circumstances of the devil's appearance in it, which is extremely atypical for East Slavic healing charms. The author comes to a conclusion that the main role in this was played by tales about the fooled devil and especially by ATU/СУС 1030 "Harvest Division." In addition, the plot was most likely influenced by such circumstances as the somatic "parallelism" of devil and animal and the secondary mythologization of the term *perelogi*. These two circumstances supported the figure of devil which is key for this plot, using elements of folklore imagery, rhyme, cultural semantics of the keyword and other factors.
Keywords: folklore of the Eastern Slavs, charms, tales, livestock diseases.
Information about the author: Tatyana A. Agapkina, DSc in Philology, Director of Research, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leninsky Ave., 32 a, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8098-7471
E-mail: agapi-t@yandex.ru
For citation: Agapkina, T.A. "Belarusian and Ukrainian Charms Against *Perelogi*: Inter-genre Rollcalls." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 254–275. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-254-275

В народной ветеринарии некоторых регионов Восточной Славии известно такое понятие, как *перелоги* (укр. *перелоги*, бел. *пералогі, перэлогі*). Так принято называть болезнь скотины и лошадей. Настоящая статья посвящена исследованию этого явления, рассматриваемого с точки зрения его терминологии, сопутствующих верований, магических практик и многочисленных заговоров, применяемых для лечения животных.

Термин ⁺*перелоги*, обозначающий недуг скотины, распространен на ограниченной территории области Войска Донского, в Гомельской и в восточных районах Брестской обл. Белоруссии, а также на Украине (в Полесье, на Левобережье, а также в Поднепровье).

В диалектных и этимологических словарях слово фиксируется крайне редко. Основным значением этого слова в аспекте народной ветеринарии являются внутренние боли у животного, корчи и судороги[1]. Приведем фрагментарно несколько основных словарных статей, посвященных *перелогам*.

> *Рус. дон.*: Перелоги [пирилоги]. 1. Боли в животе (у животного). Пирилоги — эта када жывот забалить, и конь катаица на спине; 2. Болезнь (перестают действовать задние ноги у животных). Идет карова и упадеть, как

1 На этом фоне довольно сходных языковых свидетельств о значении в.-слав. ⁺*перелоги* особняком стоит суждение Б.Н. Проценко, высказанное им в комментарии к заговору от перелогов, которые, по его сведениям, на Дону называются также *коровья гулька*. Проценко полагал, что *перелог* — это яловость, бесплодие скотины [36, с. 134]. По его мнению, это объясняется таким распространенным у всех восточных славян значением слова *перелоги*, как ‘необрабатываемая по тем или причинам земля; земля, оставленная под паром, брошенная’. Таким образом Проценко провел прямую аналогию между не приносящей урожая землей и яловой скотиной.

дохлая, пирилоги, значить, ф кастрицах балить [11, с. 361]. Термин (*перелоги болят* в неясном значении) встречается в лечебнике Лахтина [25, № 321–323, 327–332], хотя и не отмечен в Словаре XI–XVII вв. в интересующем нас значении.

Бел.: <…> *перэлога, перэлогі* ‘хвароба на жывот у коней і буйной рагатай жывёлы’ <…>, ‘рожа ў свіней’ <…>, *пэрэлогі* ‘хвароба свойскай жывёлы’ <…>, ‘курч, сутарга’ <…> [8, т. 9, с. 59].

Укр.: Перелоги <…> Корчи. Судороги. Болезнь у лошадей и волов. См. Чемер [10, с. 277].

В редких случаях перелоги диагностируются у человека, имеющего схожий набор симптомов:

Бел.: Пералогі ‘эпилепсія’ [8, т. 9, с. 59].

Укр.: Перелоги [перелоги], мед. ‘хворобливий стан, коли людину ломить, при цьому вона часто позіхає’. Вступит в котовило, то будут’ перелоги [9, т. 2, с. 38].

В разы полнее и разнообразнее перелоги предстают в этнографических описаниях. По наблюдениям А. Подбереского, украинцы называли перелогами конвульсии у волов, когда вол сучил и бил ногами, дрожал, трясся, падал и подыхал [46, s. 72]. В.П. Милорадович обращал внимание на то, что аналогичные заболевания встречаются также у людей и лошадей: желудочные колики или резь у коров (т. е. собственно *перелоги*) соответствуют конскому *чемеру* и *сояшницам* у людей. Симптомы болезни те же: «Як нападут перелогы на скотину, то вона бьется, пада, качается, дрыга ногами». Перелоги «нападают» на животное, если скотина перейдет через то место, на котором каталось какое-либо животное, рождающееся слепым, — собака, кот, заяц или волк ([29, с. 281–282], Полтавская губ.).

Основным способом лечения животного от перелогов было оглаживание или перетягивание его штанами, которым — по их связи с телесным низом — придавалась апотропеическая сила. Как писал тот же Милорадович, от перелогов больную скотину обвязывали штанами, также обводили ими трижды поперек животного от спины под животом [29, с. 281–282]. Если скотина потягивалась, шаталась, качалась, пятилась назад, ее пере-

тягивали первыми штанами мальчика через передние ноги, живот, задние ноги и спину [13, с. 265]. Впрочем, могли использоваться и другие предметы одежды — шапка, а также рукавицы.

Такое перетягивание осуществлялось разными способами. Иногда животное перетягивали по кругу, обычно трижды — вдоль или поперек туловища, тем самым как бы заключая его в магический круг. В других случаях обводили или обтирали теми же штанами, только крест-накрест. В житомирском Полесье рассказывали, как местная знахарка вылечила корову, на которую напустили перелоги: «Вона ее штанами од риг да по-пуд сподом да так — тры разы. Крест такий называеццья»[2]. Еще один способ заключался в том, что болезнь как бы вытягивали от головы и со шкуры животного наружу — в конечности, копыта и хвост (а иногда и в обратном направлении), оглаживая его теми же предметами одежды: «Бере стару шапку абож рукавыцю й проймае по-пид хорымы ногамы» ([17, с. 42], Киевская губ.); из того же Каневского у. в 1920-е гг. сообщали: «Коли нападуть перелоги на корову або на теля, то беруть шапку, протягають їю од ріг до хвоста і під черевом тягнуть від шийки до хвоста й шепчуть» [30, с. 11]. Наконец, ритуал мог состоять из нескольких разнонаправленных действий: «...ударить больную скотину шапкой навкрест по вздыхвинам около кряжа, по голове и по кряжу; потом три раза протянуть шапку между передними и задними ногами, наконец отойти и плюнуть» ([45, с. 16], Херсонская губ.), как говорится в одном заговоре: «Шапкою або штанями поміз задніми ногами» ([32, № 88], Екатеринославская губ.).

Разумеется, практиковались и более общие, неспециальные способы избавления скотины от перелогов — раздача милостыни, жертвование домовому, обтирание скотины освященным холстом, пролезание первого и последнего ребенка под брюхом коровы («Як ребьёнок последний, а скотина заболее, то три раза под чэрэвом пролезать. Это называеца перэлоги»[3]).

Таков общий контур болезни крупного рогатого скота (коров, волов) и лошадей, называемой перелогами, а также способов ее лечения в народной ветеринарии. Теперь мы перейдем непосредственно к заговорам и постараемся выявить состав мотивов, которые характерны для этих загово-

2 Полесский архив Института славяноведения РАН (далее — ПА), с. Вышевичи Радомышльского р-на Житомирской обл.

3 ПА, Нобель Заречнянского р-на Ровенской обл.

ров, определить степень их специфичности и связь с магической практикой и традиционными верованиями.

В общей сложности в нашем распоряжении имеется около 110 заговоров с упоминанием перелогов: 2 донских, около 50 белорусских (из них 2 приходятся на территорию современной Брянской обл.) и порядка 60 украинских. Они фиксируются в компактной зоне Могилевской и восточных районов Минской обл., в Гомельской и в восточных районах Брестской обл.; в обл. Войска Донского и западных районах Брянской обл.; в украинском Полесье вплоть до Ровенщины, а также в Поднепровье (в Днепропетровской, Черкасской, Киевской обл.) и на Левобережье (в Харьковской, Полтавской и Черниговской обл.). Разумеется, плотность фиксаций заговоров от перелогов крайне неравномерная — в центре этого ареала она выше, на окраинах — ниже. За его пределами отдельные заговоры отмечены у русинов в Галиции, а также на Херсонщине[4].

Эта довольно репрезентативная коллекция делится приблизительно поровну. Одну ее часть составляют заговоры, базирующиеся на общих, так называемых полифункциональных сюжетах и мотивах (составляющих основу заговоров от самых разных болезней), другую — заговоры более специфические, которые собственно и станут объектом нашего внимания.

Несколько слов о заговорах с полифункциональными мотивами. Бóльшая их часть — типичные отгонные заговоры, основанные на мотивах обратного счета, изгнания недуга в далекие места, где ничего нет, или туда, где хорошо, а также мотивах «пусть недуг не мучает тело животного», «птица выклевывает / уничтожает недуг у животного», «Богородица помогает избавиться от недуга» и др. [37, с. 124–130, № 1, 6, 7, 8, 14, 15, 16, 17, 20, 22, 23, 25, 33; 37, с. 191, № 13 и др.]. Заговоры читают от перелогов как у скотины, так и у лошадей. Заметно, что в таких полифункциональных заговорах перелоги нечасто упоминаются сами по себе; обычно это название встреча-

4 В русской традиции слово *перелоги* встречается в рукописном заговоре: «На море на Окияне, на острове Буелане, стоит каменна изба; в каменной избе — светла горница; в светлой горнице — двенадцать столов, двенадцать убраных, накрытых скатертями белыми, браными, ткаными; за теми столами сидят двенадцать логов, двенадцать перелогов, двенадцать чемеров, едят Божию хлеб, соль. Ой, вы, логи, вы, перелоги, и вы, чемера, пейте, ешьте и гуляйте, доколи я к вам не приду и молитвы не сотворю» [14, вып. 1, с. 63, № 81]. Заговор входит в небольшой сборник, переписанный в 1904 г. у пастуха из Тотемского у. Вологодской губ. Судя по составу текстов, сборник предположительно испытал влияние южных (украинских или южнорусских) заговоров.

ется в перечне других болезней скота: *чамярница, западница, паралоги* ([37, с. 128, № 23], Гомельский у.); *облоги, пералоги, потницы, животницы и чемяр* ([37, с. 124, № 1], Гомельский у.); *чемер, потница, еленица и перелог* [37, с. 191, № 13] и т. д.

Аналогичная картина наблюдается и в украинской традиции. Почти половина заговоров от перелогов здесь — это тексты апотропеического характера, в основе которых лежат такие полифункциональные мотивы, как «перечисление причин и источников недуга» [12, с. 294]; «изгнание недуга туда, где ничего нет», «в пустынные места», «туда, где хорошо и роскошно» [13, с. 265; 18, № 62, 63]; «птица уничтожает недуг» [32, № 91], «изгнание недуга из частей тела животного» [27, с. 235, № 40; 17, с. 42]; «ветер уносит недуг» [20, с. 178, № 12 б], а также заамнинивание недуга [17, с. 321], формулы невозможного («Литѣл орел сизокрилий дай сѣл на колючей груши; як тую грушу нельзя без сокири срубати, без огня спалити, чтоб так не можно перелогам жолтой косты, червовой крови какой шерсти ломиты» [16, с. 72]) и др.

Среди заговоров от перелогов, которые основаны на более специфических мотивах, можно выделить две неравные группы.

Первую составляет около полутора десятков заговоров, которые представляют собой вербальную реализацию ритуальной практики, когда болезнь символически «вытягивают» из тела животного, проводя штанами или шапкой по спине от головы до хвоста (о этом мы упоминали выше). Этой практике соответствует фольклорный мотив последовательного выведения / выхода недуга из тела животного, который строится на перечислении разных частей тела:

> Пералоги, пералоги, идеть на роги, [с рог] на шыю, с шыи на спину, с спины на крыж, а с крыжа на хвост, с хвоста на ворота, а ворота упали, пералоги пропали[5];

или на акцентировании крайних «точек выхода» болезни из тела:

> Перелоги, кинтеся в ноги <...> в резвыя ноги, из резвых ног в черныя копыта, из копыт в сырую землю ([34, с. 723], обл. Войска Донского); Ідіть

5 ПА, Тхорин Овручского р-на Житомирской обл.

соби, перелоги, на чотири дороги, із ріг та в спину, а з спини та в хвіст, а з хвоста та в ліс ([30, с. 11], Киевская губ.).

Обратим внимание на то, что конечной точкой движения болезни в этих формулах изгнания оказываются крайние части тела — хвост / ноги / копыта (откуда болезнь и уходит вовне) или рога:

> У поли грушка-кодрушка, курка неслася, она яйца не несла, только перелоги гнала. Перелого-перелого, з ног да у роги, да и пропали перелоги ([35, № 826], Гомельская обл.).

Вторую, гораздо более многочисленную группу составляют заговоры, в основе которых лежит сюжет «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги». Ролевая структура этого сюжета четко поляризована. На одном ее полюсе оказываются христианские персонажи (*Бог, Христос, Спас, апостолы, Петр, Павел*), священнослужители (*поп, дьяк*), должностные лица и служилые люди (*судья, судейский, пересуд, сударь, рассудки*, *атаман, войт* [городской или сельский староста]), а также *мужик*, на другом — черт (под разными именами) и другие демонические персонажи (*черт, чертица, ураг, ворог, дьявол, лукавый, черный, лихой, дідько, Юда, Ирод*):

Эти персонажи идут по дороге:

> Ішов Господь, Петро й Павло ([13, с. 266], Киевская обл.); Ишов Бог с апостолами по дорози, лижить ураг на дорози [37, с. 127, № 21]; Ишло их три дорогаю: ишов войт, и чорт, и мужик ([37, с. 191, № 15], Могилевская губ.); Ишов пип и дяк, третій чорт [22, с. 112, № 23].

По другой версии, персонажи сидят в некоем месте (часто за столом) и также делят что-нибудь. Поляризация персонажей «визуализируется» в процессе развертывания нарратива. Когда они куда-то идут, персонажи первой группы (сакральные и иже с ними) называются вначале, а черт — всегда последним; если же персонажи сидят, то сакральные лица находятся за столом или в красном углу (т. е. в более «высокой» позиции), черт — под столом или на пороге:

Сыдыть судья на покути, а судейский пид покутей, а чорт пид полом [45, с. 16]; Сидит войт и атаман в конц стола, а діавол под столом [28, с. 127]; В чистим поли престол, за престолом Маты Хрыстова и Спас. За столом святый Петро, а перед столом лукавый у порозі[6].

Затем в распоряжении этих персонажей оказываются три предмета (они находят их, некто дает им эти предметы и т. д.), которые персонажи делят между собой, причем если первым двум (одному) достается что-то полезное, то последнему — черту (Юде) — исключительно перелоги, которые нужно унести куда подальше:

Сыдыть пип на покути, а дяк на лави, чорт на порози. Попови чачавыця, а дякови рукавыця, а чортови перелогы — в ёго велыки рогы. Вин болотом затрясе и перелогы понесе ([29, с. 281, № 6], Полтавская губ.); Через синє море лежала дорога. По тій дорозі йшли Петро, Павло, третій диявол. Знайшли вони три знахідки: Петро — рукавиці, Павло — ногавиці, а диявол — перелоги. Бери тії перелоги у велике болото ([41, с. 18], Житомирская обл.); Иде пип, чытае, дяк замичае. Попови горщык, дякови каша, жыдови перелогы меж ногы ([29, с. 281, № 7], Полтавская губ.); На морі, на кияні <...> Туди йшлы три братенці дорогою широкою, долиною глубокою, найшли рукавиці и ногавиці, треті перелоги. Тобі, судирь, рукавиці, тобі, пересуди, ногавиці, а тобі, Юдо, перелоги, понеси на тьма, на очерета ([38, с. 289], Черниговская губ.).

Такое деление добычи описывается иногда как судебное «заседание»:

Сидять судді за столами, а розсудки під столамі; судді судять, а розсудки розсуждають, суддям на гриці, розсудкам на рукавиці, а чортові перелогі між роги от сірої масті, от білої кості, тут вам не бувати, серця не сушити, білої кості не ломити ([32, № 94], Екатеринославская губ.)[7]; Сидит войт и атаман

6 *Иванов П.В.* Знахарство. Шептания и заговоры. (Материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской губернии) // Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 169. Л. 47 об.

7 Большое количество судейских персонажей, возможно, объясняется тем, что на Украине до введения волостей в каждом селе были старики, называемые *судцы*, которые по поданной жалобе собирали вместе в корчме виновного и обвинявшего и под угощение иска-

в концѣ стола, а діавол под столом. Стали судити, кому что удѣлити: атаману рукавицы, войту нагайлицы, а жиду перелоги ([28, с. 127], XVIII в.).

Описанная версия сюжета получила наибольшее распространение в украинских заговорах, в то время как в белорусских популярна несколько усеченная схема, в которой отсутствуют три персонажа и дележ между ними, хотя перелоги все равно чаще всего достаются черту:

<…> сядить чартища. Нутя думать и гадать, кому пэрэлоги отдать? Отдали пэрэлоги старшому (чорту) у ноги, нехай нясе за мхи, за болота, за ницыя лозы, за крутыя горы ([37, с. 128, № 24], Гомельский у.); Ницыя лозы, выгоняйтя вы з праваго боку вярбинкою, з леваго боку лозинкою, а пералоги чорту на роги, ступай па дороги [37, с. 192, № 19].

Среди предметов, которые делят между собой персонажи, — прежде всего *рукавици* (они фиксируются по крайней мере в 15 заговорах), а также другие предметы одежды и обуви: *ногавици* (укр. диал. *ногавици* «холоши; суконные штаны» [39, т. 5, с. 439]), *наговици* (дон. «варежки с одним пальцем» [36, с. 135]), *наголици, штани* «штаны» (более 5 раз); *чаботы*, *чаревики*, *валяныци* (укр. *валянці* «валенки»); по одному разу встречаются *сорочка, горшок, каша* и совсем непонятные *мольнички, маковички, голевици, вязёнка* и др. Таким образом устанавливается прямая корреляция между ритуальной практикой, в которой используются отдельные предметы одежды, и текстом заговора. Некоторые описания убедительно показывают эту соотнесенность слова и ритуала:

Ишов Господь из землею, а чорт ишов с судією, пришли воны в одну хату, шоб порѣшиты пораду. И сив Господь за столом, судья же став пред столом, а чорт засив пид столом. Стали думаты-гадаты, кому из них що бы даты и що кому из них взяты. Господь узяв руковицы, а судія голевицы, а чорт узяв рогы, щоб булы ему впидмоги. — *При этом знахарь шиплет 3 раза шерсть: спереди, сзади и боков и продолжает*: — Возьму я Божьи руковицы та ущепну

ли решение проблемы, обычно предлагая мировую (*Дыминский А.* Описание Каменецкого и Проскуровского уездов Подольской губ. // Архив Русского географического общества. Разр. 30. Оп. 1. № 23. Л. 46).

сей шерстицы и брошу я на землыцю, подай нам, Боже, пользыцю: щоб скотына не хворала, а бигала та брыкала, хозяина потишала, щоб святый хлиб робыла, та щоб всих вона кормыла. Беру я сіи шерстыны с Божіей скотыны: з лоба, бокив и хвоста, щоб вона була товста. Брошу я сію шерстыну на Божую скотыну, а вси перелогы чортови на роги! — *При этом трижды крестит скот и столько же сплевывает в сторону* ([26, с. 2], Харьковская губ.).

Справедливости ради укажем, что в редких случаях фигура черта в подобных заговорах может и отсутствовать, что скорее всего объясняется порчей текста (например: [19, № 209, 1255]).

В завершении обзора заговоров отметим, что исследуемые сюжеты и мотивы иногда встречаются в заговорах не только от перелогов, но также и от других болезней скота. У белорусов сюжет «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги» отмечен в заговорах от *потниц* (когда корова сильно мокреет): «На мори, на кіяни стоить дуб, на том дуби сядить чартица; табе, чартицы, потницы, а мне рукавицы» ([37, с. 126, № 11], Гомельский у.). Мотив последовательного выведения недуга из тела животного фиксируется в заговорах от разных болезней скота (у русских чаще в заговорах от ноктя); он широко известен в европейских (в том числе в славянских традициях) (см. о нем: [1, с. 112–114]).

***

Теперь, если мы попытаемся рассмотреть эти тексты сквозь призму восточнославянской заговорной традиции, то скорее всего испытаем некоторые трудности. Дело в том, что сюжет «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги» явно выбивается из общего ряда, и, как нам кажется, связано это с фигурой черта, которому в сюжете отведено заметное место. Ведь для восточнославянских лечебных заговоров фигура черта, как и другой бесовской силы, совершенно нехарактерна.

Исключением являются заговоры на порчу, а также те, что направлены на подчинение одного человека воле другого: у русских черт выступает иногда в качестве протагониста в заговорах на порчу оружия [7, с. 238]; дерущиеся между собой черт с чертовкой — типичные образы русских заговоров, направленных на разлучение влюбленных; черт, насылающий тоску и любовные муки на человека, характерен и для украинских заговоров:

> На морі на океяні на острові на Буяні там стоить баня, в тій бані есть доска, то ви, черти и получерти, подимите доску принисите тоску, то ми ее вдунем и вставим рабѣ или рабу (имя очаровиваемаго), чтобы она по мн рабу (имя очарователя) тосковала и с ума не спускала» ([23, с. 281], Кубань); Трясу, трясу кладкою, кладка водою, а вода купиною, а купина чортами, а чорти козаком N, щоб ёго трясли, трясли та й до мене принесли, до нарожденноі, хрещенноі и молытвянноі рабы Божоі дівчини Марусі ([42, с. 91], Полтавская губ.).

Подобные примеры обнаруживаются даже в заговорах на роды, где женщина просит черта помочь ей разродиться, обещая, что впоследствии черт сможет вселиться в тело умершего, и тот превратится в ходячего покойника ([35, № 33], Брестская обл.). Однако в лечебных заговорах к помощи черта практически никогда не прибегают. Напротив, лечебные заговоры обращены главным образом к сакральным силам: на них имярек полагается в надежде на выздоровление и благополучие — свое и домашней скотины.

Единственным системным исключением из общего правила являются заговоры от перелогов, и ниже мы попытаемся объяснить этот феномен.

Прежде всего обратим внимание на то, что черт как персонаж заговора мог быть «вызван к жизни» посредством образа самого животного, коровы. Корову и черта объединяет наличие у них ног (копыт) и рогов, причем те и другие постоянно фигурируют в соответствующих ритуалах и заговорах. Перелоги входят в животное через ноги или рога:

> Ішов перелог, напав на рог, з рог на спину, з спини на хвост, хвост отпав, у корови перелог пропав ([15, с. 284], Житомирская обл.); Ишли пералоги по широкой дороги да коню ў ноги ([37, с. 129, № 27], Горецкий у.);

через ноги же перелоги выходят из коровы:

> Ідзеце, пералогі, да з ног у рогі, з рог упалі да і прапалі ([19, № 214], Гомельская обл.); Перелоги, перелоги, упадзице з боку да ў ноги. А з ног да до дому. Перелоги упали, на сыру землю пропали ([35, № 827], Гомельская обл.); Перелоги, кинтеся в ноги <...> в резвыя ноги, из резвых ног в черныя копыта, из копыт в сырую землю ([34, с. 723], обл. Войска Донского),

и передаются черту: «чараз коньския ноги чорту паралоги» ([37, с. 127, № 18], Рогачевский у.).

Одновременно ноги и рога черта становятся инструментом уничтожения перелогов. Перелоги насаживают черту на рога:

> лукавому перелогы на рогы; анафемскому Юди (діяволу) в рогы перелогы; ты, враже, беры перелогы на свои рогы; вси перелогы чортови на роги; ідіть перелоги до чорта на роги; перелогы, дітьку в рогы, идить собѣ на мха; чортови перелогы — в ёго велыки рогы; пералоги чорту на роги; перелоги чортови в рогы; схватыв перелогы та кынув нечыстому миж рогы; беры, чорте, перелогы в рогы; нечистому перелоги надівать на роги; чортові перелогі між роги;

а также бросают под ноги или меж ногами:

> отдали пэрэлоги старшому (чорту) у ноги; чорт і чарціца… забярыце ад гэтай каровы логі ў свае ногі; перелоги дидькови у ноги; я вас высылаю Иродови в ногы; жыдови перелогы меж ногы; вы, перелоги; идить соби чортови у ногы; вы, пырылогы, діаволови пид ногы; тыйи перелогы да лыхому в ногы; чорте, чорте! тоби пырылогы в ногы; пырылогы лукавому миз ногы; перелоги чортови пид ногы; ци перелогы Іюди на здорови ногы; ції уроки і перелоги чортові між ноги; черевички кидав ворогу під ноги, шоб потоптав сірої (або інчої) масті перелоги.

Учитывая же, что под перелогами часто понимается болезнь, поражающая задние ноги животного (особенно лошадей), отсылка перелогов с ног животного под ноги черта становится знаковой деталью соответствующих заговоров.

Такая соматическая соотнесенность образов коровы и черта, обыгрывание в тексте «ног» и «рогов», усиленное постоянной рифмой *ноги – роги – перелоги*, — все это способствует удержанию образа черта в заговорах от перелогов.

Второе основание, поддерживающее образ черта в заговорах от перелогов, можно усмотреть в семантике самого слова *перелоги*. В свое время, рассматривая смысловую динамику рус. *чемер* (как названия болезни),

Н.И. Толстой констатировал сдвиг в семантике этого слова — от ‘болезни скота’ к ‘злому духу’; он также обратил внимание на то, что значение ‘злой дух’ проявлялось «почти исключительно в устойчивых сочетаниях-клише бранного свойства» [5, с. 280]; аналогичные явления описывают и другие исследователи славянской мифологической лексики. Фактически тот же процесс вторичной мифологизации названия болезни мы фиксируем в отношении белорусских и в меньшей степени украинских слов *+перелога, перелоги*. Здесь у слова *перелоги* имеются значения ‘злая сила’, ‘черт’, ‘плохой человек’, ‘плохое настроение’, отмечаемые также в основном в проклятиях и угрозах:

> *Бел.*: *перэлог* м. Чорт (у праклёнах і пагражальных выразах). Якога перэлога ровеш! Ідзі к перэлогу, а я з дзецьмі буду. Тонеж [24, с. 97]; *пералога* ‘нягоднік’ [8, т. 9, с. 59]; *перэлога, перэло'гі* мн. Ліхаманка (часцей у праклёнах і шшых зваротах як выказ нежадання, злосці). Перэлогі узелі корову! На перэлогу вона мне! Тураў. Перэлога іх знае! [43, т. 4, с. 35];
>
> укр. *перелоги напали на кого*. Хто-небудь перебуває у стані депресії, мае поганий настрій [40, с. 496].

На основании этого с известной долей осторожности можно предположить, что заговоры от перелогов следуют принципу similia similibus curantur: лечение болезни *перелоги* осуществляется через ее передачу одноименному черту-*перелогу*.

И, наконец, еще одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, объясняет появление образа черта в заговорах от перелогов. Хорошо известно, что заговор представляет собой в значительной степени гетерогенный жанр, который вобрал в себя формы, клише, сюжеты и мотивы, характерные в том числе для иных жанров и составляющих их текстов. В данном случае речь идет о взаимодействии заговора и сказки, на которое раньше уже указывали исследователи[8].

На наш взгляд, заговорный сюжет «Три (два) персонажа делят между собой найденное; перелоги достаются черту» и сказку ATU/СУС 1030

8 В частности, заговорной формуле в сказке в свое время была посвящена специальная статья Е.Н. Елеонской: [2].

«Дележ урожая»[9] [4] связывает глубокое родство. Сюжет сказки вкратце таков: человек (медведь) на пару с чертом (лисой) обрабатывают землю, сеют репу, картофель и вместе собирают урожай, причем при его дележе черт соглашается забрать себе вершки, а человек получает корешки. На следующий год, когда они так же сообща сеют пшеницу или мак, недовольный черт требует себе корешки, а человеку достаются вершки. Это сказка, широко распространенная в Европе и за ее пределами, хорошо известна в том числе и восточным славянам, с той лишь разницей, что в русской и белорусской традициях бóльшую известность получил сюжет с участием человека и животных (медведя, лисы) [21, № 70], а вот в украинской — напротив, сюжет, в котором чаще всего действуют черт и баба, и так же, собственно, называется и сама сказка (см. варианты: [31, вып. 1, с. 52–54, № 29], «Чорт и баба», Киевская губ. Уманский у.; [33, с. 312–314, № 66], «Баба і чорт», Полтавская губ. Лубенский у.; [44, с. 247, № 105], «Баба и черт», Галиция, и др.). Напомним, что заговоры на сюжет «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги» получили наиболее широкую известность как раз в украинской традиции.

Сказку «Дележ урожая» сближает с рассматриваемым заговором именно глубинная сюжетная основа: два (три) персонажа делят между собой добычу (урожай или найденные предметы); при этом положительные персонажи (человек, мужик, баба, апостол, судья и др.) берут себе нечто полезное и одурачивают черта, оставляя ему что-то вредное или бесполезное. И хотя общий антураж этой схемы сильно разнится (соответствуя жанровым установкам сказки и заговора), это не отменяет сходства лежащих в их основе их типовых структур.

На наш взгляд, именно это сюжетная близость сказки и заговора и объясняет определенную чужесть заговоров от перелогов всей восточнославянской традиции лечебных заговоров, обращенных исключительно к сакральным персонажам, востребующих их помощи или ссылающихся на связанные с ними прецедентные события. Другое дело, что ни сказочный, ни заговорный материал не дают ответа на вопрос о том, как формировалось подобное сюжетное сходство, имело ли место перетекание сюжета из сказки в заговор, учитывая международный характер этого сказочного сю-

9 А также сюжет ATU/СУС 1036 «Дележ свиней» [4], зафиксированный всего в двух записях, украинской и белорусской.

жета. Вместе с тем мы полагаем, что с учетом различий между этими жанрами имело место не прямое заимствование сюжета из сказки в заговор; скорее можно предположить существование в памяти традиции некоего промежуточного звена, посредством которого сказочный по сути сюжет был воспринят заговорами.

Аналогов таким сюжетным параллелям между сказкой и заговором нам до сих пор не встречалось, кроме, пожалуй, одного украинского заговора от другой скотской болезни, в котором присутствует намек на тот же сказочный сюжет. Разница лишь в том, что этот заговор «заимствует» из сказочного сюжета не мотив дележа урожая, а мотив полевых работ, которые в сказке человек выполняет вместе с чертом:

> Збіраются Бех і Бешіха [персонификации болезни] в поле орати, а чорт іде їм помагати. Не іди ти, скверний, поганий, — ми сами будемо орати, бо у нас плуг золотий і чапігі золоті <...> і вся снасть золота! Не йди ж ти, скверний, поганий, ми будем сами орати! ([32, с. 57, № 104], Від беха, скотская болезнь; Екатеринославская губ.).

Начальная фраза заговора: «Збіраются Бех і Бешіха в поле орати, а чорт іде їм помагати» прямо указывает на пересечение со сказкой ATU/СУС 1030, хотя последующее развитие сюжета осуществляется в соответствии с украинской заговорной традицией с ее активным использованием сквозных эпитетов и т. п.

Наконец, еще одна параллель к заговорному сюжету «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги». В начале прошлого века В. Мансикка в статье «Представители злого начала в русских заговорах» обратил внимание на соответствующие украинские заговоры от перелогов. Вот что он писал по их поводу:

> Некоторые белорусские и украинские заговоры от перелогов высылают болезнь черту в ноги после эпической части, где говорится о Боге или каком-нибудь святом, идущим вместе с чертом или сидящим с ним за одним столом. Любопытны случаи, когда черта заменяет Иуда или Ирод. Понятно, что эпизод с предателем восходит к евангельскому рассказу о Тайной вечере <...>. Как видно, подобран тот момент, когда предатель покидает своего

учителя, после того как дьявол вселился в нем, и поэтому становится ясным, почему болезнь вообще отсылают черту в ноги [3, с. 14–15].

Выдвинутое Мансиккой предположение было основано фактически на единственном харьковском заговоре, обнаруженном им в архиве РГО. Приведем этот текст целиком по другой, более полной рукописи П.В. Иванова:

> На гори, на окіяни, на острови Буяни стоит калыновый стовп; на тим стовбі калыновый мист, на тим мости стоить стил, на тим столи стоить чаша вына и просквира, пид столом лежит Іюда, и ци перелогы Іюди на здорови ногы[10].

Следующим в рукописи помещен еще один заговор, в котором также называется Иуда:

> В чистом поли шлях навхрест дорогы лежыть; на тим хресту стол и престол, а за тым престолом Іисус Христос с Петром сыдыть. Іисус Христос Петрови говорить и свидительствует: Чым будуть дарыты? — Іисусу Христу — рукавыци, Петру валяныци, а анафемскому Юди (діяволу) в рогы перелогы, от нынѣ и до вику[11].

Без всякого сомнения, упоминание стола и престола, чаши вина, просфоры и Иуды указывает на сюжет Тайной Вечери и установление таинства евхаристии, и в этом отношении мы полностью разделяем трактовку, предложенную Мансиккой. Однако подчеркнем еще раз, что среди всей массы текстов на этот сюжет имеются лишь два заговора, прямо отсылающих к соответствующему эпизоду Священного Писания, тогда как большинство заговоров таких аллюзий не содержат.

Точка зрения, высказанная Мансиккой, не случайна: ученый последовательно возводил многие фольклорные сюжеты к мотивам и образам

10 *Иванов П.В.* Знахарство. Шептания и заговоры. (Материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда Харьковской губернии) // Архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 169. Л. 48. Харьковская губ.

11 Там же.

христианского и апокрифического предания. Развивая идеи А.Н. Веселовского о судьбе христианского наследия и его роли в формировании русской культуры, В. Мансикка стремился показать, что своим содержанием русские заговоры обязаны не фольклору или пережиточным языческим верованиям, а миру христианских образов и церковной словесности, иконографии и литургики. Однако, как заметил А.Л. Топорков, «среди устных заговоров имеется обширный пласт текстов, которые весьма слабо затронуты книжной традицией или вовсе ею не затронуты. Навязывать и этим текстам церковное происхождение и христианскую символику — напрасная трата времени» [6, с. 288–289].

Заканчивая рассмотрение возможных причин, объясняющих сложение сюжетного типа «Три (два) персонажа делят между собой найденное; черту достаются перелоги» и появление в нем фигуры черта, выскажем следующее предположение: основную роль здесь сыграли сказки об одураченном черте и особенно ATU/СУС 1030 «Дележ урожая». Что же касается двух других обстоятельств, о которых говорилось выше (соматический «параллелизм» черта и животного; вторичная мифологизация термина *перелоги*), то они, на наш взгляд, лишь поддержали ключевую для этого сюжета фигуру черта, используя элементы фольклорной образности, рифму, культурную семантику ключевого слова и другие факторы.

Список литературы

Исследования

1 *Агапкина Т.А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010. 824 с.

2 *Елеонская Е.Н.* Заговорная формула в сказке // *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. тр. М.: Индрик, 1994. С. 69–78.

3 *Мансикка В.* Представители злого начала в русских заговорах // Живая старина. 1909. Вып. 4. С. 3–30.

4 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 440 с.

5 *Толстой Н.И.* Откуда дьяволы разные? 4. Чемер // Н.И. Толстой. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / сост. С.М. Толстая. М.: Индрик, 1995. С. 280–288.

6 *Топорков А.Л.* К 100-летию со дня выхода в свет книги В. Мансикки “Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen” // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 279–296.

7 *Топорков А.Л.* Охотничьи заговоры на порчу оружия у восточных славян // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 234–252.

8 Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. Г.А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.

Источники

9 *Аркушин Г.Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк: Ред.-вид. відд. «Вежа» Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки, 2000. Т. 1, 2.

10 *Білецький-Носенко П.* Словник української мови / підготував до видання В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1966. 424 с.

11 Большой толковый словарь донского казачества / отв. ред. В.И. Дегтярев. М.: Русские словари; Атрель; АСТ, 2003. 608 с.

12 *Ветухов А.В.* Из этнографических рукописных материалов предварительного комитета XII археологического съезда // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1905. Т. 16. С. 292–298.

13 Ви, зорі-зориці. Українська народна магічна поезія (Замовляння) / упор. М.Г. Василенка, Т.М. Шевчук. Київ: Молодь, 1991. 334 с.

14 *Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям). СПб.: Тип. М-ва путей сообщения, 1907–1909. Вып. 1–3.

15 *Гладкий М.* Скотарські замовляння поліщуків // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження. Вип. 2: Овруччина, 1995 / ред. С. Павлюк, М. Глушко. Львів: Ін-т народознавства НАН України, 1999. С. 273–292.

16 *Гринченко Б.Д.* Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов: Земская тип., 1901. 488 с.
17 *Гринченко Б.Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов: Тип. губернского земства, 1896. Т. 2. 436 с.
18 *Ефименко П.* Сборник малороссийских заклинаний. М.: Унив. тип., 1874. 64 с.
19 Замовы / уклад., сістэмат. тэкстаў, камент. Г.А. Барташэвіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 600 с.
20 *Иващенко П.С.* Шептанья. Приложение к реферату: «Следы языческих верований в южнорусских шептаньях» // Труды 3-го Археологического съезда в 1874 г. Киев: В тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1878. Т. 2. С. 171–181.
21 Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі / склад. К.П. Кабашнікаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1971. 496 с.
22 *Комаров М.* Нова збирка народних малоруських прыказок, прысливъив, помовок, загадок и замовлянь. Одесса: Фесенко, 1890. 125 с.
23 *Короленко П.* Черноморские заговоры // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1892. Т. 4. С. 274–282.
24 *Кучук І.М., Малюк А.К.* Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён. Мазыр: МазДПІ імя Н.К. Крупскай, 2000. 156 с.
25 *Лахтин М.Ю.* Старинные памятники медицинской письменности. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. 176 с.
26 *Любарский Н.* О деревенских знахарях и их заговорах // Южный край. 1890. № 3172. С. 1–2.
27 *Малинка А.* Сборник материалов по малорусскому фольклору. Чернигов: Тип. губернского земства, 1902. 388 с.
28 «Малорусские суеверия, коим мало кто верил, собранные 1776 года» (Рукопись А.И. Чепы) / публ. Н.В. Стороженко // Киевская старина. 1892. Т. 36. С. 119–130.
29 *Милорадович В.* Житье-бытье Лубенского крестьянина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ: Либідь, 1991. С. 170–341.
30 Народні повір'я, що відносяться до корови // Побут. 1928. № 1. С. 9–12.
31 Народные южнорусские сказки / изд. И. Рудченко. Киев, 1869–1870. Вып. 1–2.
32 *Новицкий Я.* Твори: у 5 т. Запоріжжя: Тандем-У, 2007. 508 с.
33 Оповідання Р.Ф. Чмихала / зібр. В. Лесевич // Етноґрафічний збірник. 1904. Т. 14. 337 с.
34 *Орлов В.* Нашептывания и наговоры так называемых знахарей // Донские епархиальные ведомости. 1879. № 18. С. 678–684; № 19. С. 716–726.
35 Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / сост. Т.А. Агапкина, Е.Е. Левкиевская, А.Л. Топорков. М.: Индрик, 2003. 752 с.
36 *Проценко Б.Н.* Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д: Изд-во Ин-та массовых коммуникаций, 1998. 324 с.

37 *Романов Е.Р.* Белорусский сборник: в 9 вып. Витебск: Типо-лит. Г.А. Малкина, 1891. Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. 450 с.
38 Сборник Ирины Антоновны Семенцовой, доставленный из с. Будниц Кролевецкого у. Черниговской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1892. Т. 4. С. 285–288.
39 Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1970–1980. Т. 1–11.
40 Словник фразеологізмів української мови / відпод. ред. В.О. Винник. Київ: Наукова думка, 2003. 788 с.
41 Таємна сила слова: Заговори, замовляння, заклинання / [упор. Г. Бондаренко]. К.: Дніпро, 1992. 67 с.
42 Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом: Юго-зап. отдел: Материалы и исслед., собр. д. чл. П.П. Чубинским. СПб.: [б. и.], 1872–1977. Т. 1–7.
43 Тураўскі слоўнік / склад. А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. Т. 1–5.
44 *Яворский Ю.А.* Памятники галицко-русской народной словесности. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1915. Вып. 1. 336 с.
45 *Ястребов В.Н.* Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии. Одесса: Тип. Штабного Одесского военного округа, 1894. 202 с.
46 *Podbereski A.* Materiały do demonologii ludu Ukraińskiego // Zbiór wiadomości do antropologii krajowe. Kraków, 1880. T. 4. S. 3–82.

References

1 Agapkina, T.A. *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [*Eastern-Slavic Magical Healing Spells in Comparative Studies: Plots and the Image of the World*]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 810 p. (In Russ.)

2 Eleonskaia, E.N. "Zagovornaia formula v skazke" ["Incantation Formula in a Fairy Tale"]. Eleonskaia, E.N. *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* [*Fairy Tale, Incantation and Witchcraft in Russia*]. Moscow, Indrik Publ., 1994, pp. 69–78. (In Russ.)

3 Mansikka, V. "Predstaviteli zlogo nachala v russkikh zagovorakh" ["Representatives of the Evil Inclination in Russian Incantations"]. *Zhivaia starina,* issue 4, 1909, pp. 3–30. (In Russ.)

4 *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka* [*Comparative Index of Plots: East Slavic Fairytale*], comp. by L.G. Barag, I.P. Berezovskii, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 440 p. (In Russ.)

5 Tolstoy, N.I. "Otkuda d'iavoly raznye? *Chemer*" ["From Where Devils are Different? Chemer"]. *Iazyk i narodnaia kul'tura: Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike* [*Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics*], comp. by S.M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 280–288. (In Russ.)

6 Toporkov, A.L. "K 100-letiiu so dnia vykhoda v svet knigi V. Mansikki 'Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen'." ["To the 100th Anniversary of the Publication of the V. Mansikka's Book 'Über russische Zauberformeln mit Berücksichtigung der Blut- und Verrenkungssegen'."]. *Antropologicheskii forum*, no. 10, 2009, pp. 279–296. (In Russ.)

7 Toporkov, A.L. "Okhotnich'i zagovory na porchu oruzhiia u vostochnykh slavian" ["Hunting Incantations for Damage to Weapons Among the Eastern Slavs"]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiiu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [*Ethnolinguistica Slavica. To the 90th Anniversary of Academician Nikita Ilyich Tolstoy*]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 234–252. (In Russ.)

8 Cyhun, G.A., editor. *Jetymalagichny slownik belaruskaj movy* [*Etymological Dictionary of the Belarusian Language*], vol. 1–. Minsk, Navuka i tjehnika Publ., 1978–. (In Belarusian)